

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ. КОММУНИКАЦИЯ

Бортников В. И.
доцент УрФУ

ОБСЦЕНИЗМЫ В НЕКОНФЛИКТНОЙ СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

В словаре-справочнике «Эффективное речевое общение (базовые компетенции) под ред. А. П. Сковородникова приводится следующее определение обценной лексики: «грязная или неприличная лексика, непристойная, нецензурная лексика (в т. ч. мат)» [Башкова 2012: 361]. Разграничение обценизмов и матизмов (бранной лексики) [Вепрева, Купина 2018: 117] в известной степени условно: первые представляют собой «грубейшие вульгарные выражения, которыми говорящий спонтанно реагирует на неожиданную и неприятную ситуацию» [Мокиенко 1994: 57], вторые же имеют целью оскорбить, унижить собеседника либо третье лицо [Шокова 2017: 247] (см. также: [Рут 2005, 2012]). Таким образом, по функциональному критерию (цели и ситуации общения) обценизмы и матизмы находятся в отношениях пересечения [Жельвис 2011: 228]: «...не все бранное обценно и, наоборот, не все обценное – бранно» [Мокиенко 1994: 57].

Материалом данной статьи послужил неконфликтный семейный диалог, записанный автором 8.03.2019 г. Продолжительность диалога – 1 ч 49 мин. (Объем текстовой записи – ок. 71 000 знаков с пробелами.) Диалог записан в г. Заречном Свердловской области, куда **В. И.** с родителями приезжает в гости к деду (**В. А.**). Паспортизация коммуникантов:

1) **В. А.** – 84 года, пенсионер, живёт в г. Заречном Свердловской обл., родился в д. Гилёво Свердловской обл., по профессии – сварщик VI разряда.

2) **Л. В.** – дочь В. А., 58 лет, архитектор, родилась в г. Заречном Свердловской обл., живёт в г. Екатеринбурге.

3) **И. В.** – муж Л. В., 62 года, инженер-гидрогеолог, родился в г. Губкин Белгородской обл., живёт в г. Екатеринбурге.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382/18 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

4) **В. И.** – сын Л. В. и И. В., внук В. А., 29 лет, кандидат филологических наук, преподаватель, живёт в г. Екатеринбург.

Хотя атмосфера праздника ощущается, застольем по случаю Международного женского дня описываемое коммуникативное событие назвать трудно. Скорее, это обычный ужин выходного дня, неторопливый, поскольку наутро всем не на работу. Два коммуниканта (В. И. и Л. В.) участвуют в диалоге лишь во время собственно ужина (приема пищи), двое же других (В. А. и И. В.) по семейной традиции остаются на кухне – продолжать «разговор по душам (идеал русского общения)» [Купина, Матвеева 2018: 270]. В этом-то разговоре и начинают «проскакивать» обцензизмы, число которых растёт пропорционально количеству выпитого. Они не являются бранью, поскольку не преследуют цели оскорбить собеседника, но, скорее, маркируют потребность «излить душу, выразить потаенные чувства в «своем кругу»» [Купина, Шалина 2004: 33].

Поставим целью проследить функции таких словоупотреблений в речи коммуниканта В. А. (его собеседник, И. В., за весь диалог не употребил ни одного обцензизма). Для этого разделим весь текст в логике Т. В. Матвеевой на ценностно-тематические (ЦТФ) и ценностно-коммуникативные фрагменты (ЦКФ). В первых «ценностной характеристике подвергается затекстовая реальность», во-вторых – «общение коммуникантов» [Матвеева 2018: 135]. Полученные 14 ЦТФ занимают основной объём текста (более 95 %), на ЦКФ – оценку собственно коммуникации: обсуждение собственно блюд и их передачи друг другу, оценку друг друга – приходится менее 5 % диалога. Ценностно-коммуникативные фрагменты встречаются в основном вначале, когда у собравшихся за столом сохраняется потребность утолить голод, и становятся всё короче с продолжением беседы, по мере насыщения. Ср. фрагмент ЦКФ-1 и весь ЦКФ-7:

Фрагмент ЦКФ-1 (0:01:15–0:01:30)

И. В. Владик / на вон кусочек //

В. И. А чо (что-то) это?

И. В. Да я вон беру / и обратно везём / Лора его стесняется / Валерий Афанасьевич [Афанасич] / на тебе кусочек колбаски //

В. А. Не надо / не надо //

И. В. Так [дак] она мягкая-мягкая / мягонькая //

В. А. Так [дак] что [чё] мне (нрзб.) //

ЦКФ-7 (1:00:55–1:01:00)

И. В. Давай ещё по стопочке / Валерий Афанасьевич [Афанасич]? //

В. А. Ну давай / так что люди это / приспособляются / *нех*** это //

И. В. Ну что сделаешь [сделаш] //

И. В. Мягонькая / Можно и без зубов
есть её //

В. А. Всё не съешь ведь [ить] //

И. В. Так [дак] / всё не съешь / закусить-
то надо / а то выпил и закусил //

Приведенный пример (ЦКФ-7) – едва ли не единственный случай употребления обценнизма в ценностно-коммуникативном фрагменте. Давая себе налить очередную стопку, В. А. продолжает рефлексировать по поводу только что рассказанного эпизода про то, как ничего не умеющий *Колька* выбился в депутаты:

В. А. Как вот их / дураков / назовёшь / вот **б****** / эти / составляют же / здесь / соберутся вот эти / у нас вот на работе Коля был / его куда / слесарем он поступил / его куда / трактористом например / ни принимают / его действительно [диствит'на] всё у него [сво] / ключ-от не может держать / всё это / и рот разинет от / вот действительно [диствит'на] / а лясы точить / что ты / и вот за всех / он в партии оказывается [оказывацца] / куда послать кого-нибудь [каво-нить] / надо что-нибудь [чё-нить] / да вон Колька [Кольк'а] пускай / Костя... Колька [Кольк'а] бежит / Колька [Кольк'а] бежит туда / там ты-ты-ты / потом какие-нибудь [каки-нить] / или что-нибудь [чё-нить] надо / на каком-нибудь [каком-нить] мероприятиях / кого послать / ну Кольку [Кольк'у] / Колька [Кольк'а] опять бежит / и в конце концов / он / его в совком / везде / Кольку [Кольк'у] в совком вытолкнули / а куда / а Колька [Кольк'а] у всех знакомый //

И. В. Он безотказный //

В. А. Он безотказный / языком-то бежать / а работать он не может / во / так же и в садах везде / везде у нас / а этот у нас вон Коля-то на работе / его / он залез в эту / в инструменталку / а в инструменталке у нас три ключа / да кувалда / там что [чё] / трактористу / всем по рукам / у тракторОв / у кранОв / не побегит же он **б****** / с этого / с трактора в инструменталку за чем-[нить] / ну стоит там наждак / у него [его] / я говорю кувалда да три ключа / там **ни х**** нету / сидит там целый день / ходит / так [дак] вот / куда послать / куда послать / а Кольку [Кольк'у] / а день рождения там это у кого-то / надо ведь [ить] организовать / на пенсию [пенз'ию] организовать / а кого / ну как кого / Кольку [Кольк'у] / Колька [Кольк'а] опять бежит всё / он целый день там бегаёт где-то //

И. В. Ну а деньги ему платят? //

В. А. А деньги как / у него [его] пятый ли шестой разряд есть / конечно платят / и Колька [Кольк'а] везде / и на день рождение Коль[к']а / стакан дёржит / поздравляет / (нрзб.) //

На протяжении всего ЦТФ-8 говорящий – экскаваторщик, сварщик, рабочий с многолетним стажем – продолжает терзаться непониманием, как ничего не умеющий слесарь, *залезший в инструменталку* вместо

того, чтобы трудиться, как все, за счёт своих блестящих коммуникативных способностей выбивается в люди. Воспоминания об этом *безотказном* лодыре, гораздом только *языком-то бежать*, вызывают сильное возмущение В. А. Эмоция поддерживается обсценизмами: *не побежит же он б**** / с этого / с трактора в инструменталку за чем-[нить] / ну стоит там наждак / у него [его] / я говорю кувалда да три ключа / там ни х** нету / сидит там целый день.*

Приведенный фрагмент – промежуточный этап диалога и нарастающего подпития коммуниканта. Первые сигналы расслабления – рассказ о Монголии, где русским платили меньше, чем другим приезжим («А вы / говорит / зачем приехали? / Зарабатывать / деньги? / Не-е-е / вы приехали помога-а-ать / нам / а если нет / так мы / говорит / давайте вон вам билет дооформим / и **уё*ывайте**» / вот так / с нами [нам] разговаривали, ЦТФ-5) и сожаление по поводу того, что все из деревни переезжают в город (ЦТФ-6): *Да / да хрен это / все в города уехали / а приехали вон / живут там старики / приедут / уже на пенсии [пензии] / вот они там **ни**якаются** [пиззякаются] / в этих / в садах / надо заинтересовать / вот школы нету / деревни смянут / возьми нашу деревню / я беру свою деревню / далёко не надо ходить / была школа / была библиотека / был клуб / ни хрена ничего [ничё] нету / вот напиться есть //*. В первых четырех ценностно-тематических фрагментах (около 40 мин от начала разговора) ни одного обсценизма не отмечается.

По мере развития темы заброшенной деревни коммуникантом овладевает сожаление, и к концу ЦТФ-6 эвфемизм *хрен* планомерно заменяется соответствующим обсценизмом:

В. А. Церковь / Измоденова / В Некрасово есть церковь [церкоф] / но она не работает / а в этой Измоденова / ну там вроде бы / там завод был / этот / вот выпускали кисЫ (*тисы*) / такое изделие было / маленький двор был / наши строили / побольше сделали / а сейчас работает нет / хрен его знает / ну такой это / деревня деревней / она небольшая Измоденова-то / тоже деревня где-то ну / дворов наверное / ну там большинство такие / домики-то стоят возле этих / собранные щитовые / улица основная-то / речушка там / пруд есть небольшой / и всё / **них*я** там нет ничё / это кто вот не верит / проедьте по деревням / посмотрите что [чё] там делается / **них*я** там ничё нету / вот всё /

Статистически обсценизм с *х*-корнем становится преобладающим: если образования с корнями *п---* и *е-* (*ё-*) встречаются по два раза (помимо упомянутых выше, ср. также: *сейчас [щас] коровы у них [их] / по тридцать*

литров дают / **ни**ят** [пизз'ят] они [оне]; у меня друзья хорошие были / я с **шоблой-ё*лой** не пил), а так называемый б-обсценизм имеет 6 междоментных словоупотреблений (плюс одно в прямом значении: **И. В.** *Так [дак] (нрзб.) есть / значит ещё женщины рыбачат // В. А.* Ну и что [шо] / правильно / из тысячи одна баба все равно то найдется / не все же **б***и** / и рыбачить надо), то х-образования встречаются более 20 раз. Контекстный анализ позволяет выделить следующие их типологические функции:

– выражение эмоций сожаления (**ни х*я** никто ничё не делает [делат]), возмущения (я с ним ни разу не выпивал / хоть он звал / я говорю [грю] да **нах*я** / некогда мне / **нах*я** ты мне нужен / болтун), сомнения (о заилённом дне Белоярского водохранилища: Да не-е-е / **ни х*я** / дно никогда не затянет) и т. п. В более широком (общетекстовом, композитивном) аспекте эта функция разворачивается в границах категории тональности – в данном случае это тональность усиления, нагнетания эмоций, испытанных в прошлом, приближение их к настоящему, в т. ч. при воспроизведении чужой речи. Ср.:

В. А. Это же мужик двОрничихи / он / то он **б***ь** умер от злости наверно / на машине едешь [еш] / «**Х*ли** вы едите / шумите / **х*ли** вы тут разъездились» / он из деревни приехал / я: «Какого **х*я** ты?» / сколько [скока] раз он / «Какого хрена ты сюда приехал? / в деревне там тихо / и живи» <...>

[...]

В. А. <...> подъехали на «УАЗике» / сержанты / «Где / говорит [грит] / пируют у вас» / тогда борьба с пьянкой-то была / «Да / бывает иногда» / «А там чьи ворота-то полуоткрыты?» / «Пируют?» / «А ты сходи говорит [грит] / посмотри / там сверху-то» / ну сержантишка забежал / забегает / ррраз ворота открывает / а тут сидит полковник / сидит этот / начальник милиции стоит / и прокурор / он начАл пятиться [пятиться] / запнулся о порог / пал / соскакивает и бегом рвать / ну тех мужиков / а те хохочут там стоят на коридоре / (**И. В.** *смеётся*) те этот / «Ну / как?» / «Идите вы **нах**** / что [чё] обнаглели **б****** / не могли сказать» / а этот / Николай Иванович-то стоит рядом / у него / пятьдесят [пиисят] три два ноля было / синяя «жигулёнок» / мы тогда на машине приехали / они [оне] говорят / «А вы ослепли / что [шо] машина-то стоит / чья» / «А мы на неё [её] внимания не обратили / машин ж **дох****» // <...>

– энгофразия, т. е. заполнение пауз, нередко в сочетании с неуверенностью, хезитацией (колебанием), междоментной функцией: да **х**** его знает [знат] и т. п. Ср.:

И. В. Ну ладно / с голоду не умираем / живём //

В. А. Да **х**** / ну так оно / да **х**** //

И. В. На рыбалку ходим //

– маркировка попутных замечаний: *перед армией / я уже это / с колхоза / смородину / они садили / я взял там / кустика три / четыре ли / посадил возле дома / ну а дядюшка / х*ли тут / алкаш-то-от / так они заросли нах** / это / ничего [нищѐ] нету / ничего [ничѐ] ему не надо было / а так-то это / смородина-то росла / смородину можно было поливать / расти / а сейчас вон яблоки растут кислота-то //*

Нетрудно увидеть, что названные функции нередко пересекаются: так, в примере *он б***б умер от злости наверно* / эмотив выражается обцененизмом в междометной функции, а в попутном замечании *ну а дядюшка / х*ли тут / алкаш-то-от / так они заросли нах*** / обцененизмы можно квалифицировать и как эмотивы, и как энгофразы. Тем не менее, функциональное разграничение обцененизмов при их частотном употреблении, по-видимому, претендует на статус одного из критериев описания «мужской речи» (ср. [Купина, Шалина 2007: 90]) и должно способствовать систематизации способов речевого портретирования участников семейного общения в ценностном аспекте. Тактичное же поведение собеседника, не сбивающегося на обцененизмы, выражается, в частности, в отсутствии замечаний тестю, в наведении его на новые мысли, в регулировании темы разговора.

СЛОВАРИ

Башкова И. В. Обцененизмы // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: СФУ, 2014. С. 348.

ЛИТЕРАТУРА

Вепрева И. Т., Купина Н. А. Экспертный лингвистический анализ спорного текста. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018.

Жельвис В. И. Вербальная агрессия // Юрислингвистика. 2011. № 1 (11). С. 228–233.

Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. М.: Юрайт, 2018.

Купина Н. А., Шалина И. В. Современное просторечие: взгляд изнутри // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 23–62.

Купина Н. А., Шалина И. В. Просторечие и вопросы ортологии // Вопросы культуры речи / под ред. А. Д. Шмелева. М.: Наука, 2007. С. 73–93.

Матвеева Т. В. Практика выявления ценностной информации разговорного диалога // Научный диалог. 2018. № 12. С. 133–151.

Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. Берлин, 1994. № 1/2. С. 50–73.

Рут М. Э. Мат в легендах нашего времени // Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2005. № 34. С. 149–156.

Рут М. Э. О великом русском языке и мате // Филологический класс. 2012. № 2 (28). С. 61–65.

Шокова О. Н. Матизмы и языковая личность сквернослова // Лексикография и коммуникация-2017: сб. материалов III Междунар. науч. конф. Белгород: БГНИУ, 2017. С. 246–249.

Корниченко М. Е.
студентка УрФУ

КОНТАКТУСТАНАВЛИВАЮЩИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РЕЧИ УЧИТЕЛЯ

Учитель на протяжении всего урока организует общение в классе, и делать это только за счет информативных высказываний вряд ли возможно. Важны и фатические (контактоустанавливающие) высказывания, «основное назначение которых – установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи» [Якобсон 1975: 197–198]. Е. В. Сажина в своей работе разделяет широкое и узкое понимание контактоустанавливающей функции. В узкой трактовке данная функция рассматривается «с позиции лишь непосредственно фазы установления контакта» [Сажина 2011: 95]. Широкая трактовка предполагает, что контактоустанавливающая функция реализуется на протяжении всего процесса коммуникации.

Контактоустанавливающие приемы хорошо описаны в научной литературе: языковые средства совместности [Карпус 2010: 36], непосредственное обращение [Кульнина 2016: 96], контактоустанавливающие реплики: нелексические заполнители, реактивные выражения, лексический повтор говорящего и пр. [Жаровская 2008: 142], дисциплинирующая реплика [Ивановская 2011: 141], риторический вопрос или восклицание, вопросно-ответные комплексы [Балыхина, Черкашина 2013: 9], прием комментированного управления [Рубаник 2015]. Приведенные термины показывают, что ряд исследователей сосредоточен на формальных аспектах приема, тогда как другие – на специфике функционирования контактоустанавливающих элементов в диалоге.